

Научная статья

УДК 398'54

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-135-143

Мышь в традиционном мировоззрении бурят

Андрей Андреевич Бадмаев

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

NSK.Badmaev@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Аннотация

В работе вычленяется образ мыши в традиционном мировоззрении бурят. Определено, что в традиционных представлениях бурят представлен обобщенный образ мыши, вбирающий в себя черты домовая и полевая мышей. Данный образ характеризуется многозначностью и амбивалентностью коннотации. По мифологическим воззрениям бурят, мышь является синонимом всего незначительного, имеет женское начало, наделяется разумом, находчивостью, жадностью, символизирует богатство, счастье, плодovitость, связывается с воровством, болезнью и исцелением. При этом признается ее нечистая, хтоническая природа. Вместе с тем исследование показало, что буряты по-разному воспринимали домовую и полевую мышей, наделяя их образы зачастую противоположными значениями.

Ключевые слова

этнография, фольклор, лексика, буряты, мифологические воззрения, домовая мышь, полевая мышь

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Для цитирования

Бадмаев А. А. Мышь в традиционном мировоззрении бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 3: Археология и этнография. С. 135–143. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-135-143

The Mouse in the Traditional Worldview of the Buryats

Andrei A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

NSK.Badmaev@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-9525-4366>

Abstract

Purpose. The aim of the study is to isolate the image of a mouse in the traditional worldview of the buryats.

Results. In the first part of the study, the mouse is characterized on the basis of data from ethnography, vocabulary, small genres of folklore and anthroponymy of the buryats, with the involvement of information from zoology, botany and medicine.

It has been established that in buryat folklore, a mouse meant a house mouse and a field mouse. The field mouse had a utilitarian meaning: its storerooms served as a source of food for the buryats, hence its image in the riddle as a rich man, owner of cattle and horses. It was found out that the buryats associated with the mouse some character traits and physical characteristics of a person (roguishness, thievery, sweating, etc.). The mouse was synonymous with every-

© Бадмаев А. А., 2024

thing insignificant. It was determined that the mouse image was included in the buryats' ideas about time, associated with some diseases.

In the second part of the work, the image of a mouse in the mythological views of the buryats is reconstructed. It was revealed that the field mouse was a symbol of material prosperity. It was believed that she predicted winter. The idea of a magic stone bringing happiness was associated with her. The house mouse, unlike the field mouse, was associated with demonological characters, was a harbinger of trouble and death. At the same time, the white house mouse carried the symbolism of happiness and healing.

Conclusion. The study shows that in the traditional worldview of the buryats, the image of a mouse is characterized by ambiguity and ambivalence of connotation.

Keywords

Ethnography, folklore, vocabulary, buryats, mythological views, house mouse, field mouse

Acknowledgements

The research was conducted within the framework of the research project of IAET SB RAS no FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17th – 21st centuries"

For citation

Badmaev A. A. The Mouse in the Traditional Worldview of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 135–143. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-3-135-143

Введение

В культурах многих народов мира представлен образ мыши, наделяемый самыми разными чертами. Это животное, в частности у вепсов, связывается с плодородием и жизнью и в то же время с болезнью и смертью; такая амбивалентная символика объясняется его хтоничностью [Винокурова, 2007, с. 256]. В мифологии индийцев мышь является спутником и советчиком богов или их транспортом [Krishna, 2014], в культурах ряда родовых групп Китая – почитается как тотем [Чжао, 2013, с. 33].

Этот зооморфный образ имеет место и в традиционном мировоззрении бурят, но пока не получил должного рассмотрения. Целью исследования является вычленение образа мыши в мифологических представлениях бурят.

Общая характеристика мыши в культуре бурят

В дикой фауне Юго-Восточной Сибири обитают представители семейства мышиных, заселяющие разные биотопы, в том числе антропогенные ландшафты.

Обратимся к лексическим данным, согласно им, *хулгана* / *хулганаан* 'мышь'. Вместе с тем в бурятском языке это слово является более емким понятием, объединяющим разные виды мелких млекопитающих из отрядов насекомоядных и грызунов: *гэрэй хулгана* (*Mus musculus*) 'домовая мышь', *хээрэн хулганаан*, *морин хулганаан*, *ургэниэ хулганаан* (*Apodemus agrarius*) 'полевая мышь'; *атаахай хулгана* (*Soricidae*) 'землеройка'; *амбаарай хулгана* (*Rattus norvegicus*) 'серая, амбарная крыса', *альганаша хулгана* (*Talpa altaica*) 'крот'. При этом буряты считают мышью полевую и домовую мышей, и именно их образы представлены в народном фольклоре.

Судя по данным монгольских языков, слово *хулгана* имеет общемонгольскую основу: *quluᠦᠨᠠ* п.-монг. 'мышь' [Поппе, 1938, с. 309]; *хулгана* монг. 'мышь' [БАМРС, 2001–2002, с. 1399]; *хулһн* калм. 'мышь' [КРС, 1977, с. 608]; *хулуганаа* хамн. 'мышь' [ХРС, 2015, с. 332]; *хулугуна* дарх. 'мышь' [Потанин, 1883, с. 156].

В глазах бурят полевая мышь имела утилитарное значение: как и народы Сибири и Дальнего Востока, осенью они разрывали мышинные кладовые, находя в них съедобные корни *улаан мэхээра* 'горца живородящего' (*Polygonum viviparum*), клубни сараны (лилии кудреватой (*Lilium martagon*)) и колосья зерновых. Этот зимний запас мыши называли *ургэн*, отсюда одна из номинаций данного грызуна *ургэниэ хулгана* 'мышь, имеющая припасы'. В этой связи отметим, что, согласно загадкам бурят, у них сложилось благожелательное отношение к полевой мыши, главным образом по причине того, что мышинные запасы являлись одним

из источников питания. Для иллюстрации приведем пример этого малого жанра фольклора бурят:

*Хээраан адууга асархадам
Хэн баян гэгшааб?!
Хэрмэн дэгэлээ умэдхэдэм
Хэн гоё гэгшааб?!*

Из степи пригоню скот –
Кто назовет богатым?!
Беличьё шубу надену –
Кто назовет красивым?!
(мышь)

[Бардаханова, 1982, с. 114].

Под скотом и лошадыми понимались пищевые припасы грызуна, это можно понять из загадки о полевой мышши, приводимой Ш. Л. Базаровым: «Имеет табун вороно-гнедых лошадей; в шубе из шкуры дикой козы; кто этот богач?» (полевая мышшь; корешки растения, которые служат ей пищей) [Базаров, 1902, с. 29]. В подобных загадках подчеркивается запасливость такой мышши, неслучайно в них ее величают богачом, одетым в шубу (иногда из дорогого меха):

Хоть в соболиной шубе иду,
Кто скажет – «красив он собой»?
Хоть имею тысячу белых скакунов,
Кто отметит, что богат и знатен я?
(мышь).

У бурят с данным животным ассоциировались некоторые черты характера и физические особенности человека. Так, в их лексике одно из названий полевой мышши – *морин хулганаан* ‘лошадиная мышшь’ – имеет еще значение «пройдоха». Вероятно, это наименование дано грызуну по причине отдаленной схожести его бега лошадиной рыси, в народе один из видов аллюра так и называли *хулганаан хатар* ‘букв. мышшиная рысь, мелкая плавная рысь’ [БРС, 2010, с. 464].

В поговорках с мышью связывали такую негативную черту человека, как вороватость:

*Хулаагай (хулгай?) ябаһан газарта
Хулганын нухэн*

[Оньһон угэ оностой, 1979, с. 205].

На дороге воровства
Мышиная норка
(перевод наш. – А. Б.).

Во внешнем облике мышши особо выделяли глаза, и в отношении человека с близко посаженными глазами использовалось выражение: *Хулганаан уйтахан нюдэтэй* ‘с узкими мышшиными глазами’. Если кто-то сильно взмок или промок, то про него говорили: *Шудхаһан хулганаан* ‘мокрая мышшь, перен. мокрая курица’; *шудхаһан хулганаан болохо* ‘букв. становиться мокрым как мышшь, промокнуть до нитки, вспотеть’ [БРС, 2010, с. 464].

В речи бурят с этим животным в силу его небольших размеров ассоциировалось всё незначительное. Например, оставленный малозаметный след сравнивали с мышшиным: *хулганын муруор* ‘мышшиным (в знач. совершенно незаметным) следам’. Про безуспешную охоту индоевропейски сообщали: *Хулганын хамарһаа шуһа гаргаагүй* ‘не пролив крови из мышшиного носа’.

В число старинных бурятских женских имен входило имя Хулгана [Митрошкина, 1987, с. 82], что может свидетельствовать о женском начале мышши в представлениях бурят.

Образ мыши был инкорпорирован в воззрения о времени: *Хулгана жэл* 'год мыши, название первого года двенадцатилетнего животного цикла'; *хулгана һара* 'октябрь'. Внутреннее пространство традиционного жилища бурят – юрты – рассматривалось как своеобразные солнечные часы: в дневное время суток свет, падающий через светодымовое отверстие, расположенное ровно по центру крыши, освещал определенный участок жилища, которому соответствовало животное из центральноазиатского зодиака. Так, условно выделяли сегмент под знаком мыши *хулгана саг* 'два часа ночи'.

С этим зверьком связывались болезни *хулгана убиэн* 'букв. мышинная болезнь, туберкулез подчелюстных желез' и *бахалзуурай хулгана убиэн* 'букв. мышинная болезнь глотки, зоб, базедова болезнь'. В начале XX в. о распространенности в среде, в частности, ольхонских бурят туберкулеза подчелюстных желез писал в своих дневниках Ц. Ж. Жамцарано: «Здесь многие страдают от шейных болезней, так. наз. *Хулгана* (мышинная)» [2001, с. 82]. Любопытно, что в монгольском языке под «мышинной» болезнью подразумевался широкий спектр заболеваний: *хулгана овчин* 'букв. мышинная болезнь, туберкулез подчелюстных желез, раковая опухоль, сифилис, золотуха' [БАМРС, 2001–2002, с. 1399].

В дикой флоре Юго-Восточной Сибири распространено травянистое растение, именуемое бурятами *Хулганын шэхэн* 'букв. мышинные уши, шавель (*Rumex*), кислица', которое употреблялось в народной медицине. Остается неясным, почему так назвали растение: геометрия его листа никак не напоминает контуры мышинного уха, маленького и округлого.

Мифологические воззрения бурят о мыши

Домовые мыши иногда заводились в личных вещах бурят, но те, как правило, проявляли терпимое отношение к ним, это читается в их народных приметах. Положительно оценивали, если мышь прятала в одежде и обуви какие-либо пищевые продукты, в особенности печеный хлеб или зерно, которые у бурят символизировали богатство и счастье [Хангалов, 1960, с. 67]. Мышь также наделялась символикой плодovitости, что объяснимо приносимым ею большим пометом. В связи с этим у предбайкальских бурят существовала примета: «Мышь в чьей-нибудь одежде принесет детенышей, это считается хорошею приметой» [Там же, с. 68].

В то же время было иное отношение к данному грызуну, если он наносил ущерб. Буряты воспринимали как знак беды, когда мыши прогрызали одежду [Там же]. То же предубеждение (предвестие смерти, беды) отмечается у славянских народов (русских, македонцев), моравских валахов [Гура, 1997, с. 405, 414], вепсов [Винокурова, 2007, с. 256].

Кормовыми местами для домовых мышей являлись срубные дома, юрты и амбары бурят, они подъедали пищевые продукты (молочные, зерновые и др.), поэтому в фольклоре бурят, например в сказках «Мышка-воришка» и «Две мыши», в отношении мыши сложился устойчивый образ воришки, которого зачастую губит собственная жадность [Бурятские народные сказки..., 2000, с. 86–88].

В то же время в других бурятских сказках мышь наделяется умом и находчивостью. Это, в частности, демонстрируется в сказке «Мышь, лев и человек»: благодаря мыши человек и лев не раз выходят из затруднительных ситуаций, но в конце концов, обидевшись на невнимание к ее советам, она уходит от них [Там же, с. 68–74].

Такие же представления отражают народные приметы, по которым мыши якобы предсказывают погоду в отдаленной перспективе, в особенности характер предстоящей зимы. Предбайкальские буряты верили, что: «Если в конце лета или осени мыши рано приносят детенышей и рано их выводят, это означает, что рано упадет снег. Если мыши поздно выводят детей, то, значит, снег упадет поздно и осень будет теплая и долгая»; «Если мыши на пашнях и в соломе гнезда для своих детей устраивают высоко, это означает, что будет глубокий и большой снег; если гнезда устраивают низко, снег будет малый» [Хангалов, 1960, с. 68]. На подобные приметы полагались и другие буряты, у агинских бурят они были известны

в следующей редакции: «Если полевая мышь-сеноставка свой зимний запас кормов кладет в неглубокую яму, снегу будет много» [Линховоин, 2014, с. 190]; «если прячет глубоко, будет мало; если она свои запасы придавливает камнем (причем делает это рано), то жди лютой зимы, а в канун зимы теплой прикрывает аргалом – сухим пометом» [Там же, с. 21].

С данным грызуном связано поверье, по которому будто бы в мышиных гнездах можно обнаружить волшебный камень, приносящий счастье его владельцу [Хангалов, 1960, с. 68]. Как известно, в понимании скотовода, какими были буряты, *хэшэг* ‘счастье’ заключается в первую очередь во владении собственным стадом. Здесь можно найти параллели с народными воззрениями украинцев Сумской области, у которых была распространена идея о волшебном камешке из мышиного гнезда, способствующем заведению скота определенной масти [Гура, 1997, с. 404].

Буряты обращали внимание на иногда встречающихся домовых мышей необычного, белого цвета, наделяя таких грызунов чудесными качествами. Согласно поверью предбайкальских бурят, «...если человек увидит белую мышь (по-бурятски: саган-хулгана), он должен убить ее, снять ее шкуру, хорошенько высушить и постоянно носить при себе, потому что белая мышь приносит счастье, особенно в торговле. Мясо белой мыши высушивают и хранят, потому что оно имеет целебное свойство от разных болезней; больной человек скоро выздоравливает, если поест мясо белой мыши. Белых мышей видят очень счастливые люди» [Хангалов, 1960, с. 68]. Получается, что в суждениях бурят мышь-альбинос в силу ее редкости в природе рассматривалась носителем счастья, удачи. Дифференциация обычной (с темным цветом шерсти) и белой домовых мышей проводилась по критерию их связи с болезнями: если обычная мышь увязывалась с тяжелыми заболеваниями, то белая воспринималась своеобразным чудо-лекарством. Вероятно, основой такой оппозиции служила якобы разная природа этих грызунов (чистая и нечистая). Отметим, что в мифологии разных народов мира выделялись упомянутые выше функции мыши (принесение болезни и исцеление) [Мифы народов мира, 1980, с. 701].

Буряты зачастую приписывали полевой мыши положительную роль кормилицы людей и восхищались ее трудолюбием: «...мышь, так называемая “атаха хулгана” или “ургэнши хулгана”, выпросила у бога разрешение кормить половину его людей; вследствие этого мышь “ургэнши хулгана” все лето собирает саранку... и другие корни и кладет их в особо вырытую яму, чтобы люди взяли их из ямы и ели. Когда люди находят этот мышиный запас и берут, мышь радуется; а если не находят, то печалится и даже удавливается. В первом случае мышь говорит, что ее черный труд не пропал, а во втором, плача, говорит: “труд даром пропал”. Убить мышь “атаха хулгана” буряты считают за грех» [Хангалов, 1960, с. 68–69]. В цитируемом фрагменте стоит выделить его последнюю часть – действие табу на убийство полевой мыши. Между тем, как указывалось выше, буряты допускали убийство домашней мыши.

В этом же поверье интересен эмоциональный момент об «удавлении» полевой мыши, с точки зрения орнитологии объясняемый особенностью осенней охоты совиных (в частности, домашнего сыча (*Athene noctua*)) на данного грызуна, подвешивающих добычу (будущий зимний корм) на развилках веток деревьев. В источниках XVIII в. причину этого явления объясняли страхом мыши перед перспективой голодной смерти зимой и винили бурят в нещадном грабеже мышиных запасов, сравнивая их с жестокими сборщиками податей [Бадмаев, 2011, с. 92]. В приведенном тексте важно очеловечивание данного животного через придание ему определенных чувств и поступков. В следующей загадке агинских бурят содержится схожая негативная оценка практики разорения мышиных кладовых: «Сурковая рубаха невообразима (издыравлена), татарская торговля без закона. (Мышьи норы. Кража людьми съедобных кореньев, которые собирают мыши про запас)» [Базаров, 1902, с. 29]. В ней место ненавистной фигуры сборщика податей, характерной для XVIII в., занимает образ торговца-лихоимца конкретного этнического происхождения, с кем в конце XIX в. стали кивались буряты.

Отрицательная характеристика домового мыши (как впрочем, и полевой) во многом обусловлена ее сумеречным и ночным образом жизни и устройством нор в земле и под полом, по этой причине верили в ее хтоническое происхождение и связь с потусторонним миром. Неслучайно в мифологических воззрениях бурят она зачастую ассоциировалась с демонологическими персонажами.

Таким демоническим существом, как полагали, является *ама сагаан хулгана* 'белоротая мышь' – вампир, сосущий по ночам кровь у младенцев. Кроме того, бытовали поверья об *ада хулгана* (от *адаха* 'привязываться') или *хэрэсэ хулгана* (от *хэрэхэ* 'шататься, слоняться'), мыши, которая, когда линяет, становится оборотнем ада, насылающим болезни на взрослых и детей и даже убивающим младенцев. Этот злой дух являлся в виде маленького зверька (в частности, мыши), с единственным глазом во лбу и зубом во рту, или «косой женщины, прикрывающей рукой окровавленный рот и единственный зуб» [Манжигеев, 1978, с. 13–14]. Отдаленную аналогию ада можно провести с образом домашнего покровителя змора у поляков, будто бы принимающего облик мыши и душащего спящих [Гура, 1997, с. 403].

В эпике бурят подчеркивается нечистая природа мыши. Так, в эпосе «Гэсэр» рисуются гипертрофированные образы мышей, посланных чертями извести младенца Гэсэра:

Послали они мышей с трехгодовалых быков,
С мордой медной и железных с боков.
Мыши вредные, морды медные,
Железнобокие, железнобрюхие
Вокруг колыбели бегают, нюхают
[Гэсэр, 1986, с. 95].

Интересно, что в фольклоре предбайкальских бурят фиксируется библейский сюжет о всемирном потопе: «Шитхыр (*шудхэр* 'черт'), вошедший на корабль, **обратился в мышей** (выделено мной. – А. Б.) и начал грызть дно корабля; прогрыз много дырок, в которые вошла вода. Этот человек начал затыкать дыры и выбрасывать воду, а мыши прогрызли другие дыры, через которые опять входила в корабль вода. Бурхан (*бурхан* 'бог'), увидя это, сотворил кошку, которая переловила всех мышей на корабле» [Сказания бурят..., 1890, с. 72]. Мотив превращенного черта / дьявола, содержащийся в этом мифе, указывает на демоническую природу мыши. Данный сюжет широко известен у славянских народов [Гура, 1997, с. 404]. Очевидно, что он представляет собой заимствование, которое имело распространение в среде крещеных бурят.

Заключение

Выяснено, что в традиционном мировоззрении бурят представлен обобщенный образ мыши, вбирающий в себя черты домового и полевой мышей. Этот зооморфный образ имеет неоднозначную коннотацию.

В целом в традиционных представлениях бурят мышь характеризуется как синоним всего незначительного, имеет женское начало, наделяется разумом, находчивостью, жадностью, символизирует богатство, счастье, плодovitость, связывается с воровством, болезнью и исцелением, признается ее нечистая, хтоническая природа.

Между тем обнаруживаются различия в восприятии бурятами полевой и домового мышей. Полевая мышь положительно оценивалась из-за своего утилитарного значения, в связи с этим она рассматривалась как символ материального достатка, и действовало табу на ее убийство. Верили, что она предсказывает зиму. С этим грызуном ассоциировалась идея о волшебном камне, приносящем счастье. В то же время ее наделяют негативными качествами пройдох. Домовая мышь, в отличие от полевой, связывалась с демонологическими персонажами, была предвестником беды и смерти, поэтому допускалось ее убийство. Вместе с тем белая домовая мышь несла символику счастья и исцеления.

Список литературы

- Бадмаев А. А.** Система питания предбайкальских бурят в XVIII веке // Народы Евразии. Традиции и современность: Материалы казахстанско-русского научного семинара (27 октября 2010 г., г. Астана). Астана, 2011. С. 90–95.
- Базаров Ш. Л.** Двести загадок агинских бурят // Тр. КОПОИРГО. 1902. Т. 5, вып. 1. С. 22–34.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- Бардаханова С. С.** Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. 208 с.
- БРС – Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. / Сост. К. М. Черемисов, Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ: Республ. тип., 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров, Б.-Х. Б. Цыбикова. Новосибирск: Наука, 2000. 304 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 20)
- Винокурова И. Ю.** Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Дис. ... д-ра ист. наук. Петрозаводск, 2007. 565 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. 1. 288 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- КРС – Хальмг-орс толь. Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Линховоин Л. Л.** Лодон багшын дэбтэрхээ. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 464 с.
- Манжигеев И. А.** Бурятские шаманистические и дошаманистические термины (опыт атеистической интерпретации). М.: Наука, 1978. 126 с.
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Мифы народов мира / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 1147 с.
- Онъһон угэ оностой. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. 220 с.
- Поппе Н. Н.** Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 566 с. (Тр. ИВ АН СССР; т. XIV).
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. Иркутск. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
- ХРС – Хамниганско-русский словарь. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Чжао Ц.** Звери и птицы как символы в китайской культуре // Культура и история Китая: Символика китайской культуры. Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. 236 с.
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi: Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014. 274 p.

References

- Badmaev A. A.** Sistema pitaniya predbaikal'skikh buryat [The feeding system of the pre-Baikal buryats in the 18th century]. In: Narody Evrazii. Traditsii i sovremennost' [The peoples of Eurasia. Traditions and modernity]. Materials of the Kazakh-Russian scientific seminar (October 27, 2010, Astana). Astana, 2011, pp. 90–95. (in Russ.)
- Bazarov Sh. L.** Dvesti zagadok aginskikh buryat [Two hundred mysteries of the Aghin Buryats]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Rus-*

- skogo geograficheskogo obshchestva [Labours of Troitskosavsk-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society]*, 1902, vol. 5, iss. 1, pp. 22–34. (in Russ.)
- Bardakhanova S. S.** Malye zhanry buryatskogo fol'klora. Poslovitsy, zagadki, blagopozhelaniya [Small genres of buryat folklore. Proverbs, riddles, good wishes]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1982, 208 p. (in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar': Mongol oros delgerengui ikh tol' [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2001–2002, 2198 p. (in Mongol, in Russ.)
- Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican Printing House, 2010, vol. 2, 708 p. (in Buryat, in Russ.)
- Buryatskie narodnye skazki: O zhivotnykh. Bytovye [Buryat Folk Tales: About Animals. Domestic Fairy Tales]. In: Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 20, 304 p. (in Buryat, in Russ.)
- Chzao Ts.** Zveri i ptitsy kak simvoly v kitaiskoi kul'ture [Animals and birds as symbols in Chinese culture]. In: Kul'tura i istoriya Kitaya: Simvolika kitaiskoi kul'tury [Culture and history of China: Symbolism of Chinese culture]. Pekin, Shans; St. Petersburg, KARO Publ., 2013, 236 p. (in Russ.)
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskii epos [Geser. Buryat folk heroic epic]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1986, vol. 1, 288 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal symbolism in the slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.)
- Khal'mg-ors tol'. Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 768 p. (in Kalmyk, in Russ.)
- Khamnigansko-russkii slovar' [Hamnigan-Russian Dictionary]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2015, 364 p. (in Hamnigan, in Russ.)
- Khangelov M. N.** Sobranie sochinenii [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, vol. 3, 421 p. (in Russ.)
- Krishna N.** Sacred Animals of India. New Delhi, Penguin Random House India Pvt. Ltd, 2014, 274 p.
- Linkhovoin L. L.** Lodon bagshyn debterkhee [Teacher Lodon's notebook]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 2014, 464 p. (in Buryat, Russ.)
- Manzhigeev I. A.** Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy (opyt ateisticheskoi interpretatsii) [Buryat shamanistic and pre-shamanistic terms (experience of atheistic interpretation)]. Moscow, Nauka, 1978, 126 p. (in Russ.)
- Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980, 1147 p. (in Russ.)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- On'khon ugy onostoi [Apt proverbs]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1979, 220 p. (in Buryat)
- Poppe N. N.** Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab [Mongolian Dictionary of Muqaddimat Al-Adab]. In: Trudy Instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1938, vol. 14, 566 p. (in medieval Mongol., in Russ.)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays of North-Western Mongolia]. St. Petersburg, 1883, iss. 4, 1026 p. (in Russ.)
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami [The legends of the buryats, recorded by different collectors]. In: Zapiski Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Notes of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk, 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.)

Vinokurova I. Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the traditional worldview of the veps (reconstruction experience)]. Dr. Hist. Sci. Diss. Petrozavodsk, IYaLI Publ., 2007, 565 p. (in Russ.)

Zhamtsarano Ts. Zh. Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2001, 382 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Андрей Андреевич Бадмаев, доктор исторических наук, старший научный сотрудник

Information about the Author

Andrei A. Badmaev, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher

*Статья поступила в редколлегию 26.02.2023;
одобрена после рецензии 01.09.2023; принята к публикации 10.10.2023
The article was submitted on 26.02.2023;
approved after reviewing on 01.09.2023; accepted for publication on 10.10.2023*